

# Книга вторая

## Глава семнадцатая Ижорская колдунья



Сенька проснулся от странной возни и пофыркивания. Открыв глаза, он увидел голову непонятного вида существа, наклонившегося над ним и явно его обнюхивающего. Сенька не то чтобы испугался, но как-то заробел.

– Кто вы? – тихонько спросил он.

Существо подняло голову, и Сенька сразу понял, что это

женщина.

– Нойда, – сказала она, в упор глядя на него большими, очень светлыми, глубоко посаженными глазами, продолжая принюхиваться. Нос у нее был прямой, красиво вырезанный. Но ноздри, находящиеся в беспрестанном движении, были неестественно широкими и, казалось, жили какой-то своей, отдельной от лица жизнью. Волосы у существа были длинные и седые. Скорее, белые, чем седые. Они обильно ниспадали на плечи и стремились куда-то дальше, вниз.

– Я нойда, – повторила она, – колдунья ижорская. И, видя, как он невольно вздрогнул, усмехнувшись, добавила: – Да ты не бойся, «пойка», я не злая...

Чтобы достойно и со вкусом рассказать историю ижорской нойды, надобно нам уделить несколько строк соснам. Нашим балтийским соснам. Хвойных на белом свете немало. И сосен, в частности. Тут тебе и итальянская сосна, вокруг смолистого ствола которой Буратино изловчился намотать длиннющую бородень Карабаса. И могучая калифорнийская секвойя, выросшая в горах Сьерра Невада почти за полтысячи лет до Рождества Христова. И всяческие кедры, пихты, пинии. Но речь пойдет не о них, хотя все они по-своему прекрасны... Милее всех нашему северному взору – пламенеющая на фоне бледного балтийского неба зеленым хлорофилльным огнем своих игл скромная красавица с оранжево-янтарным стволом. Иногда мощным и стройным, как

корабельная мачта. Иногда причудливо изогнутым, исковерканным холодным дыханием суровой Балтики, дочери великого Ледника, сползшего со Скандинавских гор много тысяч лет назад...

Мощь ледника была безгранична. Он наступал овальными языками шириной в десятки, иногда в сотни километров. Каждый новый язык наплывал на предыдущий с небольшим уклоном и, съезжая с него, словно нож бульдозера, врезался в материк. Он гнал перед собой рыхлые песчаные грунты вперемешку с камнями. Он срезал песчаный слой почвы до плотных глин. Он тащил обломки горных пород размером с грузовик. Обломки скал попадали между ледниковыми языками и, словно жерновами, отшлифовывались в валуны – гигантские гладкие сувениры, которые он щедро раздаривал во время своего величественного северо-европейского вояжа...

Великий ледник вырезал в земле мелководные заливы будущего Балтийского моря – Ботнический и Финский. И гигантские озера Карелии – Ладогу да Онегу. Он всё полз и полз, как плохо проваренная, нескончаемая ледяная манная каша с комочками. Почти дойдя до современного Рижского залива, великий ледник плюнул напоследок Псковским, Чудским и Ильмень озерами и в задумчивости остановился, словно сомневаясь в целесообразности дальнейшего продвижения. Шли тысячелетия и, задумавшийся, он стал потихоньку таять. Превращаться в огромные водные пространства. Сначала в гигантское Балтийское ледниковое озеро, а

потом и в древние моря: Иольдиевое и Литориновое...

И лишь сорок веков тому назад, когда Сахара завершила свое перерождение из цветущей равнины в бесплодную пустыню, египтяне приручили кошку, а шумеры начали слагать свой эпос о Гильгамеше, огромная впадина в североевропейском континенте, наконец, стала тем, что мы нынче называем Балтийском морем. В разные времена разные народы звали его и Варяжским, и Скифским, и Варварским.

Пророк Моисей как раз выводил свой народ из Египетского пленения, полторы тысячи лет до нашей эры, когда холодная ледниковая вода древней Ладоги разом хлынула в Балтийское море, затопив долину реки Мги и прорвавшись в долину реки Тосны. Вот так три с половиной тысячи лет назад возник пролив между Ладожским озером и Финским заливом, ставший долиной реки Невы. Семьдесят четыре километра причудливо изогнутого русла, наполненного студеной темной ладожской водой, несущейся со скоростью троллейбуса строго на запад, в Балтийское море.

Великий ледник, проиграв, отступил. И впустил наконец-то в Карелию и на Восточную Балтику людей. И они пришли. Все эти странные финно-угорские племена, несущие в своей холодной крови тайны рождения северного человечества. Пришли с далекого Приуралья. С Колы-полуострова. Из Комяцкой лесотундры. Из Волго-Окского междуречья. Отовсюду...

Многие сотни лет приходили они на свои капища, к своим священным соснам. В свои лесные и болотные храмы под открытым небом. Принести жертвы богам, совета у них испросить, узнать про охоту, про будущий урожай, про грядущие кровавые стычки с беспокойными соседями: викинг-ами да новгородцами. Про то, как поведет себя осенью могучее и коварное Нево. Нева-река. Нева-йоки. Избалованный и непредсказуемый ребенок Ладоги и Балтийского моря. «Альдоги и Иттамери...»

Русские называли их всех просто: чухна. Будь ты карела, лив, водь, вепс, эст, печера, лопь, югра, ижора или же финн-ингерманландский. Чухонцы – и всё.

Волхвы, жрецы чухонские, пророчествовали, глядя на причудливые изгибы сосновых ветвей, на мох, на лишайник, наросший за год. Изредка разноцветные огоньки вспыхивали на ветвях в вечернюю пору. Ну, тут уж жди беды. Или грядет набег варяжский. Или Альдога-озеро злое прикажет Неве-реке, капризной своей дочери, вздуться черной водой и залить острова и поселения. Или, того хуже – удумают русские соседи крепость новую строить...

Майским днем плоскодонная верткая лодка-верейка летела по Невской протоке, отделяющей Заячий остров от острова, ныне зовущегося Петроградской стороной, а тогда ещё

безымянного.

Вспарывают весело четыре весла темную воду протоки. На веслах распашных два шведа из местных да два царских гребца-шкипера из «потешной» команды. На корме рулем правит поручик бомбардирской роты Преображенского полка – граф Меншиков. На носу запалубленном – генерал Гаспар Ламбер, инженер французский. Соавтор императорский по проектировке новых крепостей. Рядом с ним – сам император Пётр Алексеевич. Капитан-бомбардир Преображенского лейб-гвардии полка.

Верейки – лодки такие на Темзе, в Лондоне, как водное такси используют. Царь Петр, когда в Англии был, лодки эти заметил и заценил. Целая флотилия у него таких вот вереек по Невской дельте шастает. Когда под парусом, когда на веслах. От погоды зависит. А погода в Невской дельте, читатель, сам понимаешь, – переменчивая.

Хорошо на душе у императора, радостно. Две недели назад штурмом взяли Ниеншанц, крепость шведскую. Означало это, что отныне всё течение Невы, от Ладоги до дельты, стало под контролем русских войск. Тут же решили строить новую крепость, но поближе к морю. Выбор пал на небольшой островок Янисаари, что по-фински значит – Заячий остров. И вот три дня назад, как раз на Троицу, заложил он первый камень крепости. Той, что будет зваться Петропавловской.

Весеннее солнышко сквозь облака пробивается, воду в протоке светлит. Та аж в голубизну отдает. Внимательно император с генерал-инженером берега Янисаари и того куска суши, что напротив, рассматривают. Будущие бастионы намечают. Вдруг, уже на подходе к большой Неве, слева по борту, там, где роща редколесная, увидел император людское сборище. И немалое.

– Это что там такое? – подивился он.

– Это, царь Петер, чухна ижорская на своем священном капище языческим своим богам молится, – отвечал швед Марти Лейя, урожденный житель этих мест, нанятый в качестве толмача и лоцмана.

– Что ж вы, шведы, почитай тысячу лет как здесь обретаетесь, а чухну в христианство обратить так и не смогли! – притворно ворчливо сказал император. По правде говоря, разбирало его нешуточное любопытство...

– А ну-ка, давай туда! Рули, Данилыч!

– Упертый они народ, царь Петер, – виновато развел руками шведский шкипер-толмач, – притворяются христианами, а верят всё равно в своих идолов...

А про себя подумал: «Тысячу лет назад вы, русские, ещё сами идолам молились...»

Пристали. Император, увязая каблуками ботфортов в болотистой, топкой почве, зашагал к сборищу.

Внимательному взору его предстала любопытная картина. Сотни две, а может, и больше чухонцев – мужчин, жен-

щин и детей – стояли вокруг причудливо раскорячившейся вширь, но не шибко высокой, в рост человека, сосны. Это были ижорские кланы и семьи, съехавшиеся со всей невской дельты на ритуал весеннего пророчества. А также с берегов Охты, Тосны, Мги, Ижоры и Оредежа. Даже с Лужской губы и из Лахты семьи прибыли. Слух о том, что русские выбили шведов из Ниеншанца и стали строить свою крепость, уже облетела местное население. Молча, с любопытством, смешанным со страхом, смотрели они на долговязую фигуру нового иноземного царя.

Император сразу же заметил трех высоких стариков, стоявших рядом с удивительным деревом. Седые, спутанные гривы волос, причудливые наряды, а главное, величественная осанка – выделяли их из толпы.

Любопытный, как кот, он ткнул шведа Марти в бок:

– Эти, что ли, волхвы чухонские?

– Так, царь Петер... Эти и есть жрецы ижорские.

– А что это за раскоряка там стоит?

– А это сосна их священная. По ней жрецы и пророчествуют.

– А ну, спроси-ка у них, чего они там нагадали? Что там им сосна сказала?

Услышав царские слова, один из волхвов с поклоном приблизился к Петру и, смешно растягивая слова, сказал, мешая русский и чухонский языки:

– Не моожно говорит. Это иест тайна. Се он салайсуус...

Вблизи он выглядел гораздо моложе и крепче. Седые волосы казались белыми. И почти белыми казались странно светлые глаза.

Император охватил цепким взором всю крепкую фигуру старика. Да и стариком-то его назвать было совсем нельзя. Слишком уж от него веяло скрытой силой. Пётр аж принюхался, как кот. На волхве была длинная, до пят, хламида, сшитая из грубого холста, с вышивкой в виде свастик и ромбов. Особо отметил император ожерелье из странных красноватых камней.

– Мне можно, – сказал он, – я царь. Ваш новый царь – Петр.

– Не можно, цар Пьеетер. Юмалат саават вихасийя. Боги гневаться будут, – поклонился ещё ниже жрец.

– А иначе буду гневаться я. А мой гнев пострашнее будет, поверь...

Ничего не ответил жрец. Молча отступил, склонившись в поклоне.

– Алексашка! – неожиданно высоким голосом вскричал император, – а ну-ка тащи топор мой, живо. Личный плотницкий топорик Петра всегда лежал за задней банкой лодки-верейки, за доской заспинной. По лицу императора прошла первая судорога. А по толпе ижорцев – глухой ропот.

– Не наата топёр, цар Пьеетер, – глухим голосом протянул беловолосый старик, – мы не моожем говорит, этто не нааша тайна. Се поле мейе салайсуеттеме...

– Я щас вам покажу, чухна упертая, что «наата», а что нет... – дергая щекой и шеей, страшно и тихо произнес Петр, протягивая руку за топором, принесенным Меншиковым. Толпа ижорцев тревожно загудела и стала придвигаться к императору и его свите.

В этот момент раздался ружейный залп. Взвод grenадеров Семёновского полка, с фузеями наперевес, приближался быстрым шагом со стороны протоки, примыкая на ходу байонеты. Тускло сияло весеннее солнце на латунных бляхах с двухголовым орлом, украшавших кожаные grenадерские шапки. Это генерал-майор Чамберс, командир Преображенского и Семёновского полков, обеспокоенный отсутствием императора, послал десант. Проверить, всё ли в порядке. Хоть Ниеншанц и был взят, шведы всё ещё пошаливали на отдельных островах и в заводях Невской дельты.

– Последний раз спрашиваю, – предупредил Петр, перебрасывая топорик из руки в руку, – сначала рублю дерево, потом головы ваши.

Толпа волновалась, но, окруженная grenадерами, двигаться не смела.

Все три старика молчали, склонив головы.

– Они не скажут, царь Петер, – безнадежно произнес швед, – им жизнь не дорога.

– Своя, может, и не дорога, а вот чужая...

Он давно заметил в толпе девушку, ещё подростка, с

такими же белыми, как и у главного волхва, волосами. Выделялась она из толпы и ростом, и нарядом. На ней была длинная домотканая рубаха с удивительно красивой разноцветной вышивкой. Тоже из ромбов и свастик. Рубаха скреплялась у ворота большой овальной пряжкой из серебра, осыпанная мелким речным жемчугом и красными камнями. Такими же, как у старика-волхва.

Поверх рубахи был передник из шерсти, украшенный рядами бисера и подвесками, похожими на сухие змеиные головы.

Пётр подошел к девушке и, взявши ее за ворот рубахи с пряжкой, подтянул вверх и к себе, да так, что той пришлось привстать на цыпочки. По сдавленному полу вздоху-полустону старика понял, что попал в точку.

– Внучка? – повернул он голову к нему, не отпуская ворота рубахи.

– До-очь... – горестно протянул старик.

– Экий ты! – подивился император, – бодрый...

Посмотрел в светлые глаза девушки. Она не отводила взор. Смотрела прямо ему в глаза.

– Тьфу ты! – сплюнул Петр, – и впрямь чудь белоглазая! Как в сказах старинных... Сколько ж ей лет?

– Пятнадцать... – простонал несчастный отец.

– Ну, вот что, старик, ежели не скажете мне, что вам сосны нашептали, отдам твою дочку на ночь своим «преображенцам». У них давно женки не было. Заслужили...

Старый волхв рухнул к ногам русского царя. Тягостно было смотреть на его могучие плечи, сотрясающиеся в молчаливых рыданиях. На лице девушки, однако же, не дрогнул ни один мускул. Только глаза побелели ещё больше. Пётр отпустил ее. Нагнулся к лежащему у его ног отцу и произнес глубоким, неожиданно мягким мурлыкающим голосом:

– Послушай меня, старик. Я ведь не чудовище. Я – христианин, если ты понимаешь, что это значит. Ответь, про что спрашиваю, и с головы дочки твоей волоса не упадет. Царское слово даю!

Когда все три волхва, отойдя вместе с царем в сторону, тихо поведали тому, что открыла им священная сосна, швед-переводчик сделался бледным, как бумага, а император, наоборот, побагровел.

– Не верю вам! – начал он. И опять щекой задергал.

– Ижорские да карельские колдуны – самые страшные, Ваше Величество, – прошептал швед, – их даже викинги боялись...

– Строить всё равно буду. Наперекор всем пророчествам... а то, чего викинги ваши боялись, для императора всея Руси не пример. Плевал я на их страхи... И на колдунов их карельских плевал... У меня планида иная...

И то сказать – император Пётр I не боялся ни колдунов, ни ведьм. Ни духов, ни демонов. Никакой, вообще, нечистой

силы. Слухи ходили, что он сам с чертом дружбу водит... Не раз император и грешил чудовищно, и жесточайшие вещи творил, от которых кровь стынет в жилах... Однако боялся лишь одного. Очень малой твари – тараканов. Куда бы ни ехал Пётр, наперед его, едущего, бежали специальные гонцы-курьеры и, где надлежало быть остановке, осматривали, нет ли в избе тараканов, дабы не допустить возможной встречи императора всея Руси и сей гадины...

Посмотрел император темными тугими сливами глаз на волхвов и глухо сказал:

– Сами понимаете, что с таким знанием я вас в живых оставить не могу. Но смерть обещаю быструю и легкую. За дочку не бойся. Никто ее и пальцем не тронет. Слово царя.

Вернулся к свите и скомандовал свистящим шепотом Меншикову:

– Данилыч, стариков в лес, и пусть гренадеры там их, побыстрому кончат, без шума. Шведа-толмача тоже убрать надо бы, чтоб не сболтнул чего. А жаль... Хороший лоцман Марти. Ты потом, по дороге назад, на Янисаари, придумай чего...

– А что с девчонкой, ваше величество?

– Ты что, очумел, Алексашка? Я же слово царское дал!

– Так я просто для ясности, Пётр Алексеевич...

– Ну, ты даешь! – и император покрутил головой, поражаясь в очередной раз на подлость простого народа...

Подошел к девушке. Оглядел ее с головы до пят.

– А что же ты, чужь белоглазая, гадючьих голов повешала на подол? Колдовать, что ли, тебе помогают?

– Это не змеи, цар Пьеестер, – на неожиданно хорошем русском языке сказала девушка, – это раковины морские – каури. Они и вправду на змеиные головы похожи, потому мы их и называем ужовками. Но это не змеи, просто раковины...

Пётр недоверчиво хмыкнул. Ткнул пальцем в пряжку, что скрепляла ворот рубахи: – А это что у тебя за камень, такой красный, на украшении? Никогда не видал такого.

– Этот камень мы зовем «лопарская кровь», цар Пьеестер.

– Камень чудной, а имя ещё чуднее...

– Так, цар Пьеестер... Это давно было. Саамы, лопари в тундре да в Хибинах жили, оленей пасли. Пришли викинги в тундру лопь завоевывать. Лопари драться не хотели, но деться некуда. Пришлось. Тут стали викинги лопь мечами крошить. Вся тундра стала лопарской кровью забрызгана. Все горы. Все Хибины. Капли крови лопарской застыли и превратились в красный камень самоцветный. Это легенда такая.

– Красиво, – сказал император.

Непонятно только, про что сказал. Про камень или про легенду.

– Хочешь, возьми, – протянула она ему пряжку, – талисман тебе будет. От злых духов оборонять тебя будет.

Посмотрел император на пряжку. Посмотрел на ижорскую девушку. Тяжело так посмотрел. В упор. Раздул было

ноздри короткого носа. Но вдруг смягчился. Внезапно порадовал его глаз вид северной молодости, свежей, как майский день. Хотя и непривычной – чухонской, чужой...

– Негоже русскому царю от нечистой силы амулетами языческими обороняться, – проворчал он. И отвел руку, протянувшую ему пряжку.

– С нами сила Господня! – он размашисто перекрестился, – вот мой амулет! За заботу спасибо, однако ж. На вот тебе...

И вынул из кармана тяжелую золотую монету. Это был двойной червонец прошлогодней чеканки.

– Это тебе от меня, на счастье... Считай, тоже талисман...

И, вбивая ботфорты в болотистую землю, зашагал вдоль берега, командуя на ходу:

– Сосны все срубить. Раскоряку чухонскую распилить на дрова и сжечь в кухнях солдатских. Остальные рубить в бревна. Шестигранной рубкой. Как шведы. На месте капища дом строить. На шведский манер. Чтоб окна широкие. Да две разновеликие комнаты. Резиденция моя будет. Здесь, здесь и здесь казармы возводить будем. Здесь и здесь – причалы. Понтонный мост навести через протоку, из плотов. Пока все.

Солнце внезапно зашло за тучи. Вода в Неве сразу же недобро потемнела. Пётр, хмуро глядя на простирающееся перед ним серое воздушное пространство плавно переходящее в пространство водное, сказал мрачно:

– Мне Марти рассказывал, что Янисаари-остров раньше

Тойфель-хольм назывался. «Чертов остров» – так они, шведы, его прозвали, после того как затопило остров этот вместе со всеми жителями. А сначала Люстхольмом звали, «Веселым островом»...

Развернулся резко и зашагал назад, к лодке-верейке, миная молчаливую и растерянную толпу ижорцев. Проходя мимо девушки, перекрестил ее и бросил на ходу:

– Храни тебя Господь!

И двинулся было дальше, но через два шага остановился, и чуть повернув голову, добавил:

– И вот что. Не колдуй больше. Лучше замуж выходи. Да не за чухонца белоглазого, а за русского... Вон у меня богатырей сколько... детишков нарожай! Слышишь?

Она молча кивнула и стала внимательно рассматривать монету. На одной стороне был выбит профиль Петра в лавровом венке. На другой – орел двуглавый и надпись: ВСЕЯ РОССИИ САМОДЕРЖЕЦ. А по краю монеты с обеих сторон – выпуклый точечный ободок. Губы ее беззвучно шептали:

– Чтоб ты сдох, кошачья голова. Суурэ, киссан пеа... Чтоб у тебя почки отсохли...

И начертила пальцем в воздухе два знака. Две двойки. Два и два... Прямо на спине уходящего императора...

– Ну, что, колдуны мои милые, шепчетесь? – вскричал Светлейший, неожиданно подкравшийся откуда-то из темноты, напугав их обоих.

– Тфу на тебя, Впотемках! – в гневе вскричала старая нойда, – нии ет олетта тухья! Чтоб тебе пусто было! Холера одноглазая!

– Ну, не сердись ты так, нойда дорогая, я ведь тебя уж лет пять как не тревожил, соскучился по тебе, – ласково обнял ее за плечи Светлейший.

Старуха сердито вырывалась, шипя и выплевывая проклятия на непонятном наречии, перемежая их вполне понятными и полновесными идиоматическими выражениями, которыми столь богат наш русский язык.

Впрочем, назвать старухой нойду можно было с большой натяжкой, ибо кроме седых волос на старость в ней более ничто не указывало. Да и волосы были никакие не седые, а совершенно белые. И вообще, чем больше Сенька к ней приглядывался, тем с большим изумлением замечал, как облик ее меняется прямо на глазах. Затихая в теплых ручищах Светлейшего, она сверкнула неожиданно белозубой улыбкой и уже совсем мирно, мелодичным девичьим голосом сказала: – Дурак ты, Впотемках, синаа тэпэрус... нельзя же так старую женщину пугать! Даже бы и ведьму... – Ну, и что вы тут наколдовали, признавайтесь! – вроде как весело, но на самом деле с видимым волнением спросил князь.

– Я уже вам говорил, Григорий Александрович, что к так называемому колдовству никакого отношения не имею, – обиженно ответил Сенька, – вы же продолжаете...

Если по-честному – он всё ещё немного трусил. И Свет-

лейший как будто читал его мысли:

– Да ты не бойсь, Симеон, мы теперича колдунов не жжем на кострах, мы их холим и лелеем. Восемнадцатый ведь век на дворе. Просвещение. Хотя, вот Калиостро чуть было и не сожгли. Совсем недавно. Хорошо папа Пий подсуетился, заменил аутодафе на ссылку, а то поджарили бы графа инквизиторы римские, что твоего гуся рождественского.

– Помнишь Калиостро, нойда?

Она с отвращением фыркнула.

Потёмкин захохотал:

– Не сложилась у них любовь и дружба. Но, справедливости ради, согласись – граф был фигура примечательная, хоть и проходимец первостатейный. Самого Строганова с панталыку сбил. И Елагина. А эти оба – ох уж ушлые ерши! Но Калиостро – граф Феникс фальшивый, ушлее всех оказался. Кабы не матушка-императрица с ее знаменитым гольштейнским чутьем на европейских аферистов, то он бы ещё многих жирных придворных гусей пообщипал. Им ведь всем метафизической мешанки подавай поклевать. Колдовства какого-нибудь, чародейства. Да чего там говорить – я и сам грешен... Лоренза его, впрочем, была весьма хороша, – довольно плотноядно добавил Светлейший. И чуть было не облизнулся от воспоминаний. Но, увидев встревоженный взгляд Сеньки, слегка смутился и дальше эту тему развивать не стал. Вместо этого посерьезнел и как-то скомкано сказал нойде:

– Пойдем, пошепчемся.

И отвел ее от Сенькиного дивана.

– Ну, что скажешь? – взволнованным шепотом спросил он.

– Он – не колдун.

– А кто?

– Просто паренек, пойка, мальчишка совсем.

– Но он же видит... Ну, что там... В будущем...

– Он не видит, он просто знает, потому что он оттуда.

– Но как же это может быть?

– Я не знаю. Занесло каким-то образом. Бывает иногда.

Кровь, впрочем, у него очень странная...

– Кровь?

– Ну, да. Много крови как у того, с бородой, – и она кивнула на Цейтлина, – но немало и иной... непонятной... – Так что же с ним делать, нойда?

– Отпусти его, он тебе без пользы.

– Точно?

– Отпусти, иначе пропадет пойка, когда тебя не станет, сгинет без тебя.

– Как это без меня?

– Сам знаешь...

Светлейший задышал часто-часто. Стал похож на обиженного гигантского голубя. Потом справился. Вздыхнул уже тихо и печально.

И, прижавшись к нойде щекой, жарко прошептал ей в ухо:

– Помирать ох как неохота, понимаешь?

– Понимаю, Потёмкин. Но придется...

– А когда? Прости за глупый вопрос...

– Совсем не глупый.

Она поднялась на носки, взяла его большое лицо в свои ладони. И так постояла с полминуты, прислушиваясь и поводя широкими ноздрями...

– Поживешь ещё.

– Полгода есть?

– Полгода есть.

– А год?

– Не знаю...

– Так полгода – это же целая жизнь! – неожиданно обрадовался Потёмкин.

– Отпусти парнишку, ему до полуночи уйти надо отсюда...

– Отпущу, конечно... Но ты всё ж таки понюхай его ещё, может, чего вынюхаешь... слышишь, нойда? Прошу тебя... – Обещаю тебе, Впотемках, понюхаю... Иди к гостям.

Они сегодня у тебя особенные, говоря о запахах! – хохотнула она многозначительно, – некоторые так вообще весьма серой пахивают...

– Да? – озадаченно протянул Потёмкин, – это кто же?

– Иди, иди, – подтолкнула его нойда, – сам разбирайся. Ты ведь уже большой мальчик. Книжки умные читал, – и она

указала на книгу в кожаном переплете, лежащую на столике в углу, – а я тебе, что могла, всё сказала уже.

– Рукопись у меня есть... Трактат мой, с мыслями... Что с ним делать, нойда? На тот свет ведь не возьмешь... – Племяннице своей отдай.

– Сашеньке? Да она ведь дите неразумное, хоть и графиня Браницкая... Душа добрая, но простая, неуч-неучем!

– Не так уж она и проста, Впотемках, поверь. Ты ей накажи – пусть правильному человеку отдаст. Она почувствует, кому. У нее чуйка отличная... Все, иди Потёмкин, не тужи, живи, покуда живется. И не тревожь меня больше. В этой жизни...

– А что, может быть другая? – с внезапной надеждой спросил Светлейший, – что, взаправду возможна другая жизнь?

Нойда усмехнулась...

– В этом невозможнейшем из миров, пожалуй, нет ничего невозможного, – непонятно ответила она, – иди к своим гостям, Впотемках. Среди них есть кому ответить на этот вопрос...

Как Сенька ни вытягивал уши и шею, но услышать разговор Светлейшего с нойдой ему не удалось, за исключением пары-тройки слов. И когда она вернулась на диван, он осторожно осведомился:

– Бабушка нойда, а почему вы Григория Александровича Впотемках называете?

– Да какая же я тебе бабушка? – зазвенел серебряный колокольчик ее смеха, – я, считай, ещё девушка... меня ведь за сто три года ни один мужчина не познал...

Она буквально кисла от тихого хохота, сползая с дивана на пол:

– Ты хоть разницу понимаешь, пойка глупый? Суутели маар? С девчонками целовался уже?

По правде говоря, весь Сенькин опыт общения с противоположным полом ограничивался сегодняшними банными процедурами. Но он утвердительно кивнул, надувши щеки. Чем вызвал очередной приступ тихого серебристого смеха:

– Вайкке валетайа, врунишка ты маленький, пойка...

– Удивительное дело, – думал он, глядя на нойду, – как это я мог подумать, что она старуха? А она ведь совсем молодая! И ужасно похожа на Снежную королеву... – Ну, положим, не совсем. Но всё равно приятно, – пропел у него над ухом чей-то мелодичный голос.

– Вы что же, мои мысли читаете? – всполошился Сенька.

– Некоторые читаю. Я же нойда. Но не все. А кто эта Снежная дева? – и глаза ее зажглись любопытством.

– Снежная королева, – поправил Сенька, – это сказка такая великого сказочника – Андерсена.

– Свей? Роотси? – спросила нойда – швед? Кто он, твой Андерсен?

– Нет, датчанин, данске...

Сенька осекся, внезапно осознав, что каким-то странным

образом начинает говорить и мыслить новыми незнакомыми образами и словами...

– Продолжай, пойка, – ее глаза чуть потеплели и стали немножко отдавать голубизной, – рассказывай про Снежную деву.

– Один злой волшебник-тролль сделал зеркало, которое всё искажало. Оно упало на землю и разбилось на тысячи осколков. И осколки эти летали по всему миру и попадали людям в глаза, а некоторым и в сердце. Одному мальчику – его звали Кай – осколки попали и туда, и туда. И в глаз, и в сердце...

– И он стал странным и злым, – продолжила за него нойда, – и начал всех ненавидеть и обижать...

– Да, а откуда вы знаете?

– Давай дальше, дальше, про Снежную деву, – не удостоила она его ответом.

Когда Сенька дошел до путешествия Герды в Лапландию и произнес голосом северного оленя, или, во всяком случае, так, как он этот голос себе представлял: «Лапландия... Там лед и снег! Там так чудесно! Скачи себе на воле по необъятным сверкающим снежным равнинам!» – он вдруг услышал странные звуки. Сдавленный не то смех, не то стон. Поднял взор. И изумился.

Глаза нойды почти посинели от волнения:

– Лапландия... О да, там прекрасно, – прошептала она, – там Снежная королева раскинула свой летний шатер, а по-

стоянные ее чертоги у Северного полюса, на острове Шпицберген!

– Так вы же всё знаете, – разочарованно пробурчал Сенька.

– Эта ведь старая северная сказка, пойка... Но твой датский Андерсен ее очень хорошо пересказал. И приукрасил красиво... Вот только насчет зеркала...

– Что насчет зеркала? – засопел Сенька, почуяв что-то необычное.

– Зеркало кривое это сделал совсем не волшебник. А, скорее всего, сам сатана.

– Черт? С рогами и с хвостом? – усмехнулся Сенька с чувством превосходства, столь свойственным людям двадцатого века, особенно молодым.

Однако нойда почему-то не поддержала его шутивого тона.

– Да нет, не совсем, – жестко зазвенел, но уже не серебром, а железом, ее голос, – скорее альтернативное творение Божие... Элементы зооантропоморфизма, как правило, присущи большинству других обитателей верхних и нижних миров... Троллям, лешим, гоблинам...